

London Prize presents

Джасур ИСХАКОВ

МОТОЦИКЛИСТ И ЛИВЕНЬ

Лондонская премия представляет писателя

Джасур Исхаков

Мотоциклист и ливень

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 82.091
ББК 84(2)6

Исхаков Д. И.

Мотоциклист и ливень / Д. И. Исхаков — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-00153-207-1

Дорогой читатель, в книге, которую вы держите в руках – два произведения Джасура Исхакова. Рассказ «Мотоциклист и ливень», действие которого разворачивается в магазинчике при бензозаправочной станции, на юге штата Нью-Джерси. В рассказе раскрывается зыбкая призрачность внезапно наступившей удачи. В повести «Асик или «Сны о старом Ташкенте» с автором постоянно спорит его «Alter ego», второе «я». Двойник саркастически ироничен по отношению к своему «хозяину, иногда беспощадно нетерпим. Но, по большому счёту, он любит его.

УДК 82.091

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-207-1

© Исхаков Д. И., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Мотоциклист и ливень	7
Асик, или Сны о старом Ташкенте	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джасур Исхаков

МОТОЦИКЛИСТ И ЛИВЕНЬ

London Prize presents

Исхаков Джасур Ильхамович

Сценарист, кинорежиссёр, театральный драматург. Лауреат Государственной премии Узбекистана. Член Союза кинематографистов Узбекистана.

Родился в 1947 году в г. Ташкенте.

Окончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Островского и Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР.

По сценариям Д. Исхакова поставлены художественные фильмы «Кто красит редиску?» («Ясные ключи»), «В стремнине бешеной реки» (2 серии), «Прощай, зелень лета!..» (совместно с Э. Ишмухамедовым), «Шок» (2 серии), «С любовью и болью» (4 серии) совместно с Э. Ишмухамедовым и О. Агишевым), «Взлёт разрешается», «Отчий дом» и др.

Автор сценариев и режиссёр фильмов «Останься!..», «Проклятие золотого коня», «Охота для настоящих мужчин», «Приключения в стране Чатранга», «День истины».

Автор сценариев и режиссёр более тридцати пяти документальных, одиннадцати мультипликационных фильмов.

Театральные пьесы Д. Исакова: «Продаётся на слом», «Мардикор», «Сны о старом Ташкенте». «Сатурналии – праздники для рабов», «Пончики для Анжи» и другие.

Автор более тридцати рассказов. Сотрудничает с журналами Узбекистана, России, США, Австрии, Казахстана. Рассказу «Восьмой раунд с Робертом Тейлором» присудили 1-е место на Международном конкурсе «Литературная Вена». Диплом Ассоциации русскоговорящих авторов в Австралии и Новой Зеландии. В 2016 году рассказы Д. Исакова «Дирижёр» и «Голубка» включены в сборник «Издательства АСТ» Санкт-Петербурга. В 2017 году вышел в свет сборник рассказов «Сны о старом Ташкенте». В 2019 году изданы две повести: «Асик, или Сны о старом Ташкенте» и «Короткое, как вздох, прощай...»

Мотоциклист и ливень

Рассказ

Дождь шёл уже несколько дней. Иногда давал передышку, слегка накрапывая. А по утрам из-за тяжёлых серых туч даже выглядывало солнце, но через некоторое время небо опять становилось тёмным, хмурым, и дождь, словно навёрстывая упущенное, припускал вновь. К полуночи порывистый ветер с Атлантики нагнал новые тучи. Теперь дождь превратился в настоящий ливень. Косые струи зло били по стёклам моего маленького магазинчика; казалось, что я заехал на каком-то огромном автобусе в автомойку. Не хватало только вертикальных щёток. Дверь от ветра приоткрывалась, струи дождя проникали внутрь моего убежища, и на пороге образовывалась лужа.

Зиновий, ночник на пампе, безвылазно сидел в своей будке, иногда выбегал, чертыхаясь и матерясь, когда какая-нибудь случайная машина заезжала под навес газстейшн. Он заправлял машину и снова скрывался в своей конурке. Торговли практически не было. Из-за разыгравшегося ливня постоянные покупатели магазинчика сидели по домам, прислушиваясь к ветру, с опаской поглядывая в окна. Только самые заядлые – «наркоманчики» – подъезжали вплотную к дверям магазинчика, недовольные погодой и затянувшимся дождём. Прикрываясь полами курток, они забегали, отряхиваясь от воды, и просили, вытащив из карманов мокрые мятые доллары, «Датч мастере» или «Филли блант». Потом торопливо убегали, чтобы скорее выпотрошить сигары, набить их травкой где-нибудь в тёплом месте или прямо в авто и затянуться сладким дымом марихуаны. А я снова оставался один, и снова мне казалось, что я плыву в большом автобусе сквозь щётки автомойки.

Я сидел и заворожённо смотрел на бьющие в стёкла струи воды. Тихо звучал бесконечный джаз на 106-й волне. Станция передавала старые добрые мелодии. Иногда слышались джазовые импровизации Луи Армстронга или Эллы Фитцджеральд, возвращавшие меня в детство или юность, когда сквозь радиопомехи я слушал эту музыку из нашего старенького приёмника. Но большей частью звучали уже порядком надоевшие мелодии.

Ночью поток уменьшался, поэтому работал только один заправщик – Зиновий, бывший кузнец из Тернополя. А я был продавцом-ночником в магазине. И когда кастумеров (покупателей) было совсем немного – с половины второго до половины четвертого ночи – я сочинял пьесы и даже писал большой сценарий, всё время возвращаясь к мысли: «А нужно ли это кому-нибудь там, дома?» В хорошие ночи, когда никто не заезжал на станцию, мы с Зиновием сидели, устроившись на пластиковых ящиках у дверей магазина, курили, болтали о том о сём.

Остервенелый ливень всё продолжался, и лужа у дверей становилась больше и больше. С трудом преодолевая дремоту и лень, я взял швабру и пошёл к дверям, чтобы вымести воду наружу.

В этот момент под навес станции с рокотом вкатился мотоцикл. На этом блистающем никелем и всякими придам-басами чуде техники восседала колоритная фигура в кожаном костюме с накладными плечами, с сотнями молний и заклёпок, в огромном шлеме, сужающемся сзади, больших защитных очках, перчатках-крагах, зашнурованных почти до колен ботинках на толстой подошве. Водитель заглушил двигатель и, стряхивая с себя воду, слез с широкого седла. Заскучавший было Зиновий быстро вышел из своей будки и, приветливо улыбаясь, подошёл к мотоциклисту. Мотоциклист что-то сказал ему и направился в мою сторону, разминая затёкшие ноги. Зиновий привычно открутил крышку и засунул пистолет в горловину красного бака. Я, как мог, вытер лужу и прошёл за свою стойку. Мотоциклист, похожий в своем наряде на инопланетянина, открыл дверь, остановился, оглядываясь по сторонам. Вода, стекавшая с него, образовала под ногами приличную лужу, и я про себя подумал, что зря

старался. Он постоял, словно не замечая меня, потом снял очки и шлем и из таинственного инопланетянина вдруг превратился в обыкновенного, промокшего до нитки паренька с худой длинной шеей, с мокрой прядью темно-русых волос на лбу.

– Нэпкинс? – спросил я и взглядом показал на дверцу в стойке, за которой лежали салфетки. Парень, наконец заметив меня, прошёл к стойке и, найдя салфетки, поблагодарил. Он вытер лицо, руки, шею, улыбнулся и что-то произнёс, показав за окно. Несмотря на мой английский, я безошибочно понял сказанное им:

– Ну и погода!

– Кофе?.. Или чаю? – кивнув в ответ головой, спросил я и уже направился к кофеварке заварить свежего кофе, но мотоциклист отрицательно покачал головой и, видимо, догадавшись, что я неважно владею языком, односложно сказал:

– Вот.

Я показал на холодильник, где стояли пластиковые бутылки с водой. Он прошёл к шкафам, выбрал маленькую бутылку «FIJI» и подошёл к стойке.

– Хау мач? – спросил он.

– Уан далла.

Он достал из внутреннего кармана куртки бумажник, вытащил новый, хрустящий доллар, протянул его мне. Теперь вблизи я увидел его лицо, немного вытянутое, бледное, с красивой линией бровей, с тонким прямым носом, четко очерченными губами... Лицо удивительно печальное и одновременно светлое. И глаза. Синие огромные глаза с тёмными кругами под ними... Примерно таким мне представлялся молодой Христос. С трудом верилось, что этот грустный и задумчивый мальчик только что мчался по хайвэю на своем страшном и красивом мотоцикле под проливным дождём. Возникшая пауза затянулась. Мотоциклист, отвинтив пробку, глотнул минералки и отошёл к окну. Я пробил доллар и вернулся к своей тетрадке.

В дверях показалось лицо Зиновия.

– Окей, сэр, – улыбаясь, сказал он парню любимую фразу из своего небогатого словаря. Это означало, что бак залит. Мотоциклист кивнул головой и, полуобернувшись ко мне, что-то произнёс. Я понял, скорее по интонации и ситуации, что он просит разрешения постоять здесь, в тёплом и сухом магазинчике.

– Ноу проблеме, сэр... – с излишней непосредственностью для уровня моего английского ответил я, тоже используя клишированную фразу, означавшую согласие. Мой английский был, конечно, получше, чем у Зиновия, но не настолько всё же, чтобы продолжить разговор.

Мотоциклист поставил бутылку на холодильник с мороженым и вытащил из кармана мобильник. Неуверенно набрал номер и стал ждать ответа. Он стоял ко мне спиной, но мне видно было отражение его лица в стекле. Парень выглядел каким-то напряжённым и растерянным. На другом конце, наконец, ответили. Даже если бы он общался по-русски, я бы все равно не услышал, о чём он говорит. Но по тому, как он говорил, стало понятно, что разговаривает он со своей девушкой. И тема была не из приятных. Он что-то коротко произносил и потом долго слушал, пытаясь вставить хоть слово. Но его девушка (я был просто уверен в этом) говорила без остановки, наверное, обвиняя в чём-то этого хрупкого мальчика. Я уже гадал, что же такое она ему говорила, что слова эти вызывали у мотоциклиста столько эмоций? Он закрывал глаза, мучительно тёр лоб, сжимал краги. И снова пытался мягко возразить, но беспомощно замолкал надолго, выслушивая какие-то гневные слова. Вдруг, вскрикнув что-то, он быстро заговорил, резко рубя рукой с крагами, и, забыв обо всём, обернулся ко мне. Я понял, что в этот момент для него ничего не существовало. Он был поглощен долгим, тягостным разговором, вернее, монологом на том конце (хотя можно ли говорить о «другом конце» применительно к мобильной связи?). Он пытался доказать своей девушке, что всё не так и она ошибается!.. И снова замолчал, сник, слушая её. По лицу потекли слёзы. Он вытирал их тыльной стороной ладони и слушал, слушал, уже не пытаясь хоть как-то оправдаться. Мне от души стало жаль

этого мальчика в суровом кожаном костюме... Наконец разговор закончился. Парень даже не успел попрощаться. Наверное, она просто отключилась.

– Джесси... – произнёс он, но телефон молчал. Мотоциклист попытался дозвониться снова, но его Джессика не отвечала. Он поднял мокрое от слёз лицо и, увидев меня, смущённо отвернулся, вытирая слёзы. Затем долго молчал, глядя на струи воды, бьющие в стёкла. В баке кофеварки громко закипала вода. Мотоциклист оглянулся на звук, и наши взгляды встретились. Он понял, что я был свидетелем тяжёлого разговора. Кашлянул. Я участливо улыбнулся в ответ.

Мотоциклист подошёл к стойке и спросил, сколько стоит одна сигарета. Я назвал цену – квотер. Парень вытащил монету, и я пробил двадцать пять центов, спросив:

– «Малбро», о ньюпот?

– «Малбро», – ответил ночной посетитель.

Я вытащил из-под прилавка сигарету и положил перед ним. Парень взял сигарету. Я щёлкнул зажигалкой. Он наклонился, прикурил и благодарно посмотрел на меня, улыбнулся и, подкинув в руке серебристый мобильник, сказал что-то извиняющимся тоном.

– Ноу проблеме! – заверил я с улыбкой. Мотоциклист грустно улыбнулся, пожал плечами и посмотрел, куда бы стряхнуть пепел. Я поставил перед ним пепельницу и в знак солидарности тоже закурил. В это время по радио зазвучала песня Стива Уандера, которая мне очень нравилась. Я прибавил звук. Мотоциклист спросил, люблю ли я Стива Уандера.

– Вери! – коротко пояснил я.

Мы молча курили, стряхивая пепел в одну пепельницу. Мелодия была грустная и щемлящая. Наверное, она очень соответствовала настроению мотоциклиста, потому что он опять загрустил...

Отойдя в сторону, мотоциклист обратил внимание на «стиралки» – яркие лотерейные билеты «инстант тикетс», или, как их еще называли, «скрэжтс», в пластмассовых футлярах. Они продавались наравне с билетами «Виг гейм», «Пике сикс», «Кэш файф» и другими, которые с рокотом выдавал компьютер «Грин Машин». В дни, когда джекпот «Биг-гейма» достигал сотни, а то и более – миллионов долларов, от покупателей не было отбоя. Брали по двадцать, сорок билетов одновременно, а один китаец взял как-то билетов на пятьсот баксов. У всех была надежда, что вдруг и они отгадают шесть заветных номеров, сорвут куш и станут обладателями миллионов... Сейчас джекпот был равен «всего» пяти миллионам, и бойкая торговля приостановилась. На прошлой неделе какой-то счастливчик сорвал заветный джекпот и из простого плотника стал настоящим миллионером. Об этом писали все газеты, счастливчика показывали по телевидению. Результаты розыгрышей я выводил на своем компьютере и записывал в специальный бюллетень, висевший на окне у самой двери. И нетерпеливые игроки, вытащив свои билеты, разглядывали номера. Чаще всего они разочарованно комкали пустые билеты и уходили, клянясь, что не будут больше играть, но на следующий день опять диктовали мне номера. И опять их согревала надежда... Выигрыши составляли два, три, пять долларов. Некоторым везло, и я вытаскивал из кассы двадцатку, принуждённо улыбаясь и поздравляя с удачей. А однажды мне пришлось опустошить всю кассу: мужчина выиграл пятьсот долларов и настойчиво требовал выдать деньги немедленно.

...Мотоциклист разглядывал билеты. Их было очень много. Яркие, с зазывающими надписями: «Выиграй тридцать тысяч!», «Выиграй пятьдесят тысяч!», «Выиграй сто тысяч!» Выигрыши зависели от стоимости самих билетов. Тут были и однодолларовые билеты, и билеты по два, три, пять долларов, были и по десятке.

– Хау мач голф? – спросил ночной посетитель.

– Ту далла, – ответил я. Зелененькие, довольно невзрачные, по сравнению с другими, билеты игры «Гольф» находились в самом низу пластмассовых футляров. Парень вытащил два

доллара и протянул их мне. Привычно оторвав билет, я положил его на прилавок. За окнами продолжал лить дождь.

Мотоциклист закончил стирать и разглядывал билет. Он что-то сказал мне и взглядом показал на билет, видимо, попросил меня разобраться. Я взял билет в руки, посмотрел и увидел, что на месте бонуса, где обычно виднелась надпись «Гуд лак – «Удачи!» или «Трай таймс» – «В другой раз», виднелись пять мячей гольфа. Внутри у меня екнуло. Я перевернул билет и стал вчитываться в условия игры. Парень растерянно смотрел на меня. Я поднял голову.

– Ю вин, – тихо сказал я ему и ткнул пальцем в билет. Пять мячей игры в гольф в бонусе означали выигрыш в тридцать тысяч долларов... Парень недоверчиво посмотрел на меня и стал изучать условия.

– Тори саузен! (Тридцать тысяч!) – закричал он и подпрыгнул чуть ли не до потолка.

– Тридцать тысяч! – сказал я вслух по-русски. – Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! Тридцать тонн капусты!

Мотоциклист, словно забыв обо всём на свете, что-то кричал, целовал билет, хлопал в ладоши. Из грустного, рассеянного мальчика в один момент он превратился в сияющего, довольного жизнью молодца, улыбавшегося во весь рот, обнажая свои белейшие крепкие зубы. Он вытащил свой мобильник, быстро набрал номер и стал нетерпеливо ждать ответа.

– Джесси! – заорал он в трубку. Он тараторил как пулемёт – громко, уверенно, без умолку. Слова хлынули, как вода через прорвавшуюся дамбу. Было понятно, что своей девушке он говорил о деньгах, о тридцати тысячах, свалившихся на голову, о том, что всё-всё будет у них хорошо и что он скоро приедет...

– Джесси, жди меня... – мотоциклист натянул краги, надел на голову свой красный шлем и выбежал, не попрощавшись со мной. Завёл мощный мотоцикл и, рванув, уехал, оставив после себя сизый выхлоп бензина супер...

Я ходил взад и вперёд по узкому пространству магазина, мимо полок с чипсами, конфетками, жвачкой, печеньями. Вот, висел себе зелёный билетик под самым твоим носом... А там... Там деньги, которые ты мог бы заработать за целых два с половиной года... По двенадцать часов в день, по ночам, без выходных... Тридцать тысяч... А этот промокший пацан случайно заехал на своей «Хонде», чтобы спрятаться от дождя, случайно взял билет... Размышляя о превратностях судьбы, поймал вдруг себя на мысли, что я в обиде на этого мотоциклиста за то, что он не сказал хотя бы «Хэви гуд дей!» или «Гуд бай!»... И даже не посмотрел в мою сторону. Я живо представил, как он врывается в комнатку своей девушки, как показывает счастливый билет... Как они мчатся на его мотоцикле в Нью-Джерси, в главное управление нью-джерсийской лотереи, как пересчитывают сотенные купюры... И как Джесси улыбается своему мотоциклисту.

...Дождь продолжался, но уже тихий, спокойный. Смена подходила к концу. Зиновий как всегда говорил, что осталось всего два школьных урока, полтора часа. Семь сэндвичей, изготовление которых входило в часть обязанностей ночника, были готовы и лежали, упакованные под греющей их лампой. Я протирал пыль на полках, когда в магазинчик вошёл Саша большой. Так называли его из-за роста, и чтобы не путать с другим Сашей, тоже траковщиком. С Сашей большим мы говорили обычно о кино и книгах. Он подкидывал мне то Корецкого, то Маринину.

– Привет ночникам! – сказал он с улыбкой, проходя к кофейнику. – Кофе свежий?

– Только что заварил... Как жизнь?

– Регулар! – вытер аккуратно за собой следы от кофе на прилавке Саша. – Что-то ты сегодня какой-то хмурый, – сказал он, отпивая кофе.

– Да так, устал, наверное... – уклонился от ответа я.

– Слушай, я ночью такую аварию видел! – продолжал Саша. – Полиции понаехало! Я только ехал из дома на стоянку. У самого Такони Бридж дорогу перекрыли, пришлось из машины выйти... Хотя не люблю я на это смотреть... Жалко парнишку, такой молодой...

Я насторожился.

– Видимо, на обгон пошёл и зацепился левой стороной руля за бетонное ограждение... Его и кинуло... Под самые колёса... – он поморщился.

Я почувствовал, как холодок пробежал по моей груди к самому горлу.

– Подожди, он что, на мотоцикле был? – осторожно спросил.

– Ну да... На «Хонде»... Знаешь, такая спортивная машина, с усиленным движком...

– Красная? – уточнил я охрипшим вдруг голосом.

– Точно, красная... И шлем у пацана был красный... А ты откуда знаешь? – удивился

Саша.

– Он заезжал сюда... Ночью... В самый ливень... Он погиб?

– А как ты думаешь! Знаешь эти двадцатитонные фургоны? У них сзади три спаренных колеса в твой рост... Вот под них его и швырнуло... И чего он на обгон пошёл у самого моста? Куда нёсся, идиот? Может, обкуренный был или пьяный? – Саша посмотрел на меня.

– Да нет... – сказал я. А про себя подумал: «Он был счастливый. Слишком счастливый».

...К утру дождь прекратился. Мы с Зиновием ехали домой на своих скрипучих велосипедах. Уютный, умытый дождём городок, похожий на подмосковные дачные посёлки, ещё спал. Было пустынно и тихо. Я вдыхал чистый утренний воздух, ощущая на спине тёплые лучи восходящего солнца.

– Хорошо-то как! – произнёс я.

– А дома будет ещё лучше... Эх, скорее бы! – добавил Зиновий.

Мы прибавили ходу.

Пальмара, штат Нью-Джерси, январь 2004 года.

Асик, или Сны о старом Ташкенте

Повесть

*«Сияй, Ташкент, звезда Востока!»
Из популярной песни*

Он всегда появляется неожиданно, впрочем, и исчезает так же непредсказуемо. Где он прятался сегодня? В сумке, наверное. Он ухитряется спрятаться где угодно, забиться в любое место, уместиться в любой дырке! Может сидеть под моей кепкой или в заднем кармане джинсов, в пыли под диваном или в салоне «Боинга», в кофре с кинокамерой или в бардачке моего жигулёнка.

– Волнуешься? – спросил он, когда я поднимался по ступенькам служебного входа в театр.

– Да нет, с чего ты взял? – стараясь говорить спокойно, ответил я.

– Да ладно врать-то! – Я хорошо знал эту интонацию: в ней одновременно были жалость и насмешка, ирония и сочувствие.

Хотя его не видно, я сразу определяю, что он рядом. Я его слышу. До чего ж противный у него голос. Хотя похож на мой. А те, с кем я беспечно болтаю или травлю бородатые анекдоты, и не догадываются, что у меня в это время есть ещё один собеседник, Асик. Я его ненавижу и одновременно люблю.

Откуда взялся? Потом расскажу, хотя знаю, что мой рассказ о нём будет запутанным и непонятным для закоренелых материалистов. Я редко кому рассказываю об Асике, а если и рассказываю, то обязательно появляются новые детали и нюансы. В таких случаях Асик строго говорит мне: «Фантазируй, но имей меру, как говорил Джавахар-лал Неру!»

В уютной приёмной главного режиссёра миловидная девушка раскладывала на компьютере «Косынку». Она улыбнулась мне и сказала, что он сейчас придёт. Только я успел сесть в мягкое кресло приёмной, как, сладко улыбаясь, вошёл главный режиссёр.

– Старик, ну что же ты как неродной? Почему не проходишь?

И он широким жестом пригласил меня к себе в просторный кабинет.

Асик был тут как тут и с ходу стал шептать мне на ухо:

– Бойся, когда тебя встречают слишком радушно. Это первый признак преждевременного извинения и последующего отказа.

Маленький засранец! Неужели опять окажется прав?

В недавно отреставрированном здании бывшего «Дома знаний» теперь был театр с удобными кабинетами, примерными, душевыми, но плохо приспособленной сценой, как жаловались актеры. Кабинет главного был обставлен богато и со вкусом.

– Да ладно тебе – «со вкусом»! Сейчас, если есть деньги, можно приобрести и вкус, и всё что угодно! – небрежно сказал Асик.

– Прошу тебя, заткнись!

Асик вздохнул и замолчал, недовольный.

Накануне я позвонил главному и сказал, что я в Ташкенте и хотел бы забрать пьесу. Краем глаза я увидел её, лежащую на полированной столешнице массивного стола среди дру-

гих папок, книг и всякой всячины. Терпеть не могу визиты подобного рода. Не спросишь же вот так, с ходу: «Ну что, понравилось?» И поэтому, согласно особому этикету, выдуманному для таких случаев, начали трепаться обо всём, боясь задеть главное – пьесу, которую я занёс месяца три назад, ещё зимой. Обговорили, покуривая, все сплетни театральной (и не только театральной) жизни, обсудили слишком дождливую весну, цены на Алайском базаре, которые растут как на дрожжах, отъезд кого-то и куда-то... Наконец, когда уже невозможно было более тянуть кота за хвост, он взял в руки мою пьесу, похлопал снисходительно по обложке.

– Ну, старик, в принципе мило... – сказал он, глядя мимо меня.

Если говорят «в принципе», значит, что-то не то и твой визит обречен на полную безнадёгу. К этому у меня выработался устойчивый иммунитет. Я проглотил это «в принципе», понимая, что моя пьеса здесь, кажется, не нужна. Но «мило»... Это слащавое, липкое, как мокрая карамель, слово означало одно: путного разговора не получится и зря я притаранил свой опус сюда. Асик оказался прав. Режиссёр сообщил мне, что в моей пьесе аж шестьдесят три действующих лица, а у него в труппе всего лишь двадцать пять актёров. Я представил, как он с калькулятором в руках подсчитывает моих героев, и мне стало скучно. Во-первых, их всего семнадцать. Массовка не в счёт. Можно обойтись и без неё или решить условно. Во-вторых, я и задумывал пьесу про многолюдный, перенаселённый, разноязыкий двор своего детства. Но смысла обсуждать этот довод режиссёра не было. Я погасил сигарету и хотел встать. Он понял, что всё-таки надо обсудить пьесу. В который раз стал рассказывать, у каких великих мастеров он когда-то учился. Товстоногов, Лавров, Копелян... Имена, города, годы. Я хотел рассказать и про своих учителей, но промолчал.

Асик моментально вмешался:

– Что ты молчишь? Ты ведь тоже не лыком шит! Вспомни и расскажи, как великий Каплер, обсуждая на защите твой дипломный сценарий, спросил, положив руку на обложку с названием сценария «Кто красит редиску?»: «Так кто же её красит?» И ты ответил: «Бог».

Да, я вспомнил. «Не читая сценарий, за одно только это название ставлю пятерку!» – торжественно сказал тогда седовласый патриарх советского кино. А потом мне улыбнулся и мягким тонким голосом произнёс другой гениальный кинодраматург нашего, того времени, Евгений Иосифович Габрилович: «Хорошо, любезный, что вы обращаетесь к теме детства. Вся наша жизнь – его всполохи, эхо... Там у вас хорошо про первый поцелуй».

Я промолчал.

И вдруг со вкусом, со звуками, с запахами увидел, услышал, почувствовал свой первый в жизни поцелуй. Тот самый, из моего детства.

Асик ехидно заявил:

– Ну конечно, приятное ты вспоминаешь, когда кто-то обижает тебя или пытается это сделать, и ты, как щит, выставляешь свои полузабытые грёзы! Когда это было!

Повторяю: более вредного существования, чем мой Асик, нет на свете!

А главный между тем продолжал:

– Старик, я, к примеру, спрашивал своих студентов, знают ли они, что такое «Кашгарка». И представь, никто не ответил мне! Не знают. Это для нас с тобой, для Шууха что-то ещё значит слово «Кашгарка».

Я хотел сказать, что «Кашгарка» – это всего лишь песня, которую я написал для одного своего фильма, а сам я жил на Балыкчинской, недалеко от зоопарка и парка Тельмана. Просто на Кашгарке жила моя первая любовь. А если проще, девочка, которая мне нравилась. Но я

снова малодушно промолчал и остался сидеть в кожаном кресле, попивая принесённый секретаршей кофе.

– Понимаешь, зритель совсем не тот, каким ты его себе представляешь. Ему сейчас нужна развлекаловка, хохмы, простенький сюжетец, голые попки... – покуривая, продолжал главный. – Театр практически на хозрасчете. Поставил я тут недавно Чехова: сыграли три спектакля, и зритель перестал ходить на него... А деньги-то истрачены! Кстати, знаешь, другие мои спектакли, почти все, идут с аншлагами. Как ни повернись, старик, бабки решают всё!

Конечно, это был уже серьёзный довод. Бабки, деньги, мани, лава, баксы и баксюты, «зелёные» и «деревянные», тугрики и сумы, золотые динары и медные гроши заняли в нашем обиходном словаре и жизни значительное место. Без них – ни шагу. «К сожалению», – мысленно вздохнул я.

Тут, конечно, вмешался Асик.

– Ладно тебе лукавить! Как будто ты не любишь хрустящего шелеста стодолларовой зелёной бумажки!

Я снова грустно вздохнул. И Асик, и главный были правы. Не факт, что на спектакль по моей не очень весёлой пьесе мощной волной пошёл бы зритель, толкаясь у касс, теряя пуговицы. Режиссёр понял, что я понимаю его сомнения, и могу простить ему его безмолвный отказ. Он улыбался, рассказывал анекдоты, и я в ответ тоже, как чужак на букву «м», рассказывал что-то и глупо улыбался в ответ. Как водится, он пригласил меня на свой новый спектакль, деловито порывшись на столе в поисках контрамарки.

– Итальянская штучка! Обхохочешься!

Я обещал прийти. Потом засунул пьесу в сумку. Мы *мило* распрощались, и я вышел из кабинета.

В коридоре столкнулся со знакомым актёром. Всегда и всем он демонстрировал свой темперамент, это вошло в его плоть. И хоть мы были знакомы с ним довольно средненько, он завопил, сжимая меня в жарких объятиях:

– Сто лет! Как жизнь, старик, как здоровье? Говорят, запускаешься? Смотри не забудь про друзей! В картотеке «Узбекфильма» есть моя анкетка!

По ходу он рассказал мне анекдот, который я только что слышал в кабинете главного. Но промолчал и терпеливо дослушал до конца, «...разве это актёр? Это говно, а не актёр! – сказал апостол Петр».

Пока он рассказывал мне анекдот, Асик только хмыкал.

– Вот-вот, радуешься, что тебя лично знают артисты! А они и не подозревают, что ты в сером списке и ещё долго тебе не дадут снять и документальную вампуку!

Мы распрощались, и я пошёл к выходу. На ступеньках театра Асик злорадно спросил:

– Ну что, выкусил?

Я разозлился:

– Послушай, Асик, оглянись вокруг, посмотри, как хорошо! Что же ты всё ворчишь и ворчишь?

На самом деле, стояла классная погода. После дождя город был чист и уютен. Девушки уже сняли чулки и колготки, и это ещё больше украсило апрельские улицы.

Я бросил сумку с пьесой на заднее сиденье, завёл машину и поехал. Нельзя сказать, что у меня было отвратительное настроение. Я уже привык к таким разговорам и философски отметил про себя, что главный хотя бы прочитал мою пьесу. В другом театре эта пьеса пролежала без движения целый год и молодой режиссер так и не прочитал её. Более того, её потеряли,

моя пьеса куда-то запропастилась. Завлит театра, жена режиссёра, пожалала плечами, показывая, что она вообще в глаза её не видела. Вместо разговора получилась банальная склока. Я просто поругался с молодым, задорным режиссёром, кричал, призывал его к совести, говорил, что ему не каждый день приносят пьесы о родном Ташкенте. Он, глядя на меня ясным взглядом, соврал, что ему такие пьесы приносят в большом количестве. Ну а про мою он просто запаматовал. «Виноват, бывает...»

Асик тогда хохотал как сумасшедший:

– Эх ты, корнел вдали от родины, писал свою пьеску, слёзы над нею проливал, мечтал, как её поставят в каком-нибудь театре родного города!

И сейчас Асик был прав. Здесь даже не соизволили прочитать эти сорок страничек текста! На светофоре машина заглохла. Сзади нетерпеливо загудели. Кто-то даже сообщил мне, что я «чайник». Асик хохотнул, довольный.

«Чайник»... Более подходящего имени сегодня после похода в театр я не заслуживал. Домой ехать не хотелось. С друзьями в какой-нибудь гадюшник? Не то настроение. Вовремя вспомнил, что мне давно уже надо почистить карбюратор, да и свечи. Я поехал на станцию техобслуживания, что располагалась на пустыре напротив «пожарки».

Именно здесь когда-то пылились переулки и тупики той самой Кашгарки, и отсюда лунной ночью я уносил ноги от злых хулиганов. Речка, так же загибаясь, протекала мимо. Ах, Кашгарка, Кашгарка...

– Ну вот, загрустил! Сейчас заплачет! – произнёс Асик. Но я не стал ему отвечать.

Автомеханик Боря, мой постоянный мастер, возился со старым «Москвичом». Он выглянул из ямы.

– Здорово, как живёшь-поживаешь?

– Нормальяускас! – ответил я.

– Полчасика придётся подождать, – сказал он мне приветливо.

– Нет проблем, Боря.

Минут пять я понаблюдал, как он работает, потом сел в свой жигулёнок, вставил любимую кассету в магнитофон. Старые песни действуют на меня успокаивающе. «Не уходи, тебя я умоляю, слова любви стократ я повторю, пусть осень у дверей, я это твердо знаю, но всё же не уходи, тебе я говорю...»

– Громче сделай! – крикнул мне Боря. – Понял, да? Осень у дверей... Она давно уже в доме.

– Слишком ты с ним запанибрата, – сказал неприятно тихо Асик.

– Не будь снобом! Боря – хороший человек! И главное – мастер золотые руки!

Вообще-то мастера Борю звали Бори, и когда его спрашивали, какой он национальности, он только смеялся: «В моих жилах течет коктейль «Мечта вампира». На самом деле мать Бори была наполовину татарка, наполовину еврейка, а те в свою очередь тоже были полукровками; отец Бори был наполовину памирский таджик (он ещё добавлял: «Может быть, потомок Александра Македонского») в смеси с кокандским узбеком. Такой вот сложный «микст». А если заглянуть ещё дальше, набралась бы ещё не одна дюжина народностей и племен. Это мне рассказал сам Боря, когда после очередного ремонта моей машины мы отправились на берег Салара выпить по кружечке пива. Я тогда оставил машину у сторожа автостанции. Уменьши-

тельно-ласкательная «Кружечка пива» превратилась в тот день в очень тугого «ерша». Когда это было? Ещё до Америки.

Асик молчал – наверное, заснул.

Я взял в руки свою пьесу, разглядывая титульный лист.

«Сны о старом Ташкенте». Пьеса в трёх действиях. Пальмара, Нью-Джерси, США, 2001 год.

После разговоров о неблагоприятном зрителе, которому не нужны серьёзные спектакли, а лучше легкие французские комедии, после математических подсчётов моих героев, после жалостливого рассказа о мизерной зарплате штатного персонала театра, после рассказов о капризах молодых актрис, которые так и норовят свалить в Москву или в Питер, собственная пьеса показалась мне чужой, какой-то отстраненной. Словно не моей. Я стал считать действующих лиц моей пьесы.

Итак... Рассказчик снов, Малика – его мать, бригадир на хлебозаводе. Мумтоз – его отчим, инженер. Соседи по двору: Лола – учащаяся техникума, Кумуш, её мать – ткачиха с Текстильного. Санжар – историк, писатель. Хабиба, его жена – врач. Исаак Давыдович – продавец обувного магазина. Бронислава, его жена – продавщица газводы на углу Лахути. Махмуд – милиционер. Мамура, его жена – домохозяйка. Жданов – инвалид войны. Ольга, его жена – бухгалтер. Тельман – железнодорожник. Софья Ивановна – актриса. Гамлет – карточный шулер. Тохтаев – капитан милиции. А ещё – молочницы, медсёстры, милиционеры, торговцы, ремесленники и так далее.

Да, главный режиссёр прав, многовато героев. Откуда взять столько? Я стал читать дальше.

Тут проснулся Асик.

– Читаешь свой опус? Читай, читай! Уже седой человек, а напридумывал бог весть что! «Сны о старом Ташкенте»! Высокопарное варенье! Ландриновые кадрики из прошлой жизни! Дра-ма-тург! Занимался бы своим кино-домино! Как же вы все любите приукрашивать то время.

– Послушай, ты, циник и неврастеник! – не выдержал я. – В этой пьесе я хотел рассказать не только о своем детстве и юности! Я хотел рассказать о Городе, о нашем дворе на Балыкчинской! О том, как мы жили бок о бок! Узбеки, русские, евреи, армяне, татары, казахи! Это был настоящий Вавилон. Было только одно, что отличало наш двор от того, разрушенного Вавилона, – все его жители худо или бедно знали русский язык. Какое-то время в нашем дворе жил кореец, настоящий, из Кореи! А совсем недалеко от нашего двора жил американец, боксер Сидней Джексон! Уж он-то, наверное, понимал толк в том, где лучше жить?

Асик опять засмеялся своим противным смехом:

– Ах, сколько пафоса! Наивный! И при чём здесь заблудившийся боксёр? Ты ещё вспомни немцев, поляков, греков. Ну жили – и что в этом особенного?

Кассета кончилась, и я автоматически поменял её. Полилась божественная музыка Нино Роты.

– Всё, не хочу тебя слушать! – твёрдо сказал я Асику и стал листать пьесу.

Начиналась она с «Пожеланий». Может быть, Асик и прав, обзывая меня наивным и витающим в облаках? Но это написано моей рукой, там, в далёкой Америке:

«Нисколько не желая вмешиваться в работу режис-сеёра, художника, композитора, художника по костюмам или гримера, позволю все же высказать некоторые соображения по поводу постановки данной пьесы (если она, дай Бог, состоится). Очень важный компонент

будущего спектакля – его атмосфера, дух. И именно здесь не может быть мелочей. Костюмы, детали одежды, головные уборы, даже прически героев, должны соответствовать времени действия пьесы. Было бы замечательно использовать настоящие предметы того времени – керосинки, примусы, патефоны, ребристые стиральные доски, наклейки на бутылках, передвижные газбудки, ножные точильные станки, медные тазы, жестяные рупоры керосинщиков, деревянные самокаты на подшипниках и многое другое. То, что ушло безвозвратно, но позволит окунуться в старые добрые времена».

Асик сидел на моём правом ухе.

– И ты ещё спорить со мной? Вспомни старый анекдот: «Съесть-то он съест, да кто ему даст»? Пойди найди всё это в реквизиторском цехе! Может, на «Мосфильм» смотаешься? Больные фантазии продавца ночного магазинчика на «газстейшн», то есть автозаправке, что на семьдесят третьем роуде, не доезжая до Филадельфии всего три километра!

– Послушай, Асик, можешь смеяться сколько тебе угодно, но дай дочитать до конца моё авторское вступление!

– Читай! Кто же тебе мешает?

Я его не видел, но чувствовал презрительную гримасу на личике.

«Не менее важно воссоздать звуковую и музыкальную атмосферу той эпохи. Ненавязчиво, почти незаметно по ходу спектакля должна звучать музыка Дунаевского, Цфасмана, Хренникова и других композиторов того времени. Хорошо, если бы звучали старые песни в исполнении Тамары Ханум, Батыра Закирова, Леонида Утесова, Марка Бернеса».

Асик опять проявил свою несдержанность.

– Вот раздухарился! Фантазии переполняли его воспаленные мозги! Может быть, пригласить ещё и военный духовой оркестр из парка Тельмана?

Я только отмахнулся от него и продолжал читать вступление.

«Я не знаю, делали ли это в театре, но я был бы счастлив, если бы во время спектакля слегка пахло свежеспекоченным хлебом, дымком шашлыка, политой вечером, накалившейся за день землей... Что, как мне кажется, бывает только в моем городе».

Асик перепрыгнул с уха на руль.

– Пожелания наивного автора продолжают! Может, ты и плов настоящий хочешь делать на сцене?

– А почему бы и нет? – зло ответил я.

– Ах, как же ему хочется передать дух того Города! Конечно, через колоритные фигуры того времени! Тот же мне «Амаркорд» нашелся!

Это было слишком.

– Асик, не будь таким говнюком! Да, «Амаркорд»! У каждого человека в жизни есть свой «Амаркорд»! Да, я вспоминаю! Всё, не мешай мне!

«Действие спектакля начинается с улицы. У входа в театр регулирует движение знаменитый ташкентский милиционер ОРУДа – Махмуд-ака Муйлов, человек с пышными буденовскими усами. Тот, которого снимали во всех киножурналах про Ташкент. Естественно, он в белой форме начала шестидесятых годов, с полосатым деревянным жезлом.

У самых дверей театра пышнотелая Бронислава, восседая на высоком стуле перед голубой будкой на велосипедных колесах, торгует газированной водой. Из колбочек льется струй-

кой сладчайший сироп – вишневый, лимонный, грушевый – какой захочешь, а из медного крантика в граненые стаканы скульптора Мухиной с шипением бьет газировка.

Здесь же арба, запряженная серым ишаком, где пустую бутылку можно обменять на шар жареной кукурузы или жестяную дудочку, а пять бутылок – на оловянный пугач – револьвер Нагана.

На углу стоит точильщик ножей, бровастый человек, и зычным голосом зазывает: «Подходи, чернобровые красавицы, хозяйюшки! Ножи, ножницы потача-а-й!»

Аккуратные старички, немец и его жена, предлагают зрителям свой товар: «Яйзы, мазло!» Яйца в красивой корзинке, а округлые куски вкуснейшего сливочного масла завернуты в чистую марлю.

Женщина, несущая на коромысле тяжеленные сумки и бидоны, кричит тонким, но сильным голосом: «Кисло-пресно молоко-о-о! Каймо-о-к!»

И, конечно, чумазый керосинщик с мятой трубой раструбом басом разносит вокруг: «Кероси-и-и-н!»

– Конечно! А кобыла керосинщика в это время шлепает на булыжники мостовой свои ароматные навозные шары! – хохочет Асик.

– В кого ты такой... приземленный? – говорю я ему, хотя понимаю, что он и сейчас прав. Детали. Из них рождается правда.

Читаю дальше.

«У самых дверей театра старушка продает семечки, липкие красные леденцы-петушки на палочках, сладкий миндаль. «Семечки, кому семечки! Жареный, соленый!»

На ступенях стоит продавец лепешек. На голове у него плоская корзинка, сават, с патырами. «Исвежий, исвежий, горячий-горячий нон!»

Лысый одноглазый старичок-китаец, позвякивая своим нехитрым инструментом – лучком-сверлом, медными заклепками, жестяными носиками для чайников, предлагает свои услуги: «Пасуда пачи-ня-а-й!»

А ещё кто-то кричит речитативом: «Подходи народ, свой огород: половина сахар, половина мёд!»

Слышится гнусный смехок Асика:

– Размечтался-то как, автор, а? А вот ещё авторские директивы! Вы только послушайте, чего захотел!

«В фойе театра, как приметы времени, обязательно должны быть плакаты тех времен. Настоящая Доска почета. Стенгазеты.

Застекленные витрины с газетами. Кумачовые лозунги. Портреты руководителей и членов Политбюро.

Карикатуры на бюрократов, стилияг, ревизиониста Иосипа Броз Тито и американских империалистов».

Асик прыснул:

– Не хватает пионерских горнов и барабанов!

– А что, можно добавить и это! Асик, ладно тебе придираться! Лучшие посмотри, какое хорошее начало...

«Занавес ещё закрыт, в полумраке зала зрители рассаживаются по местам, и наступает тишина. Только слышно, как звучит часовой механизм: «Крик-крак, крик-крак», а потом – знакомая всем мелодия перезвона Ташкентских курантов».

– Конечно, с немецким акцентом. – Асик хмыкнул. – Часовой механизм привёз из какого-то баварского городка ушлый капитан, настоящий ташкентец!

– Ну и что? Зато потом под этой башией с часами назначались миллионы свиданий! «Встретимся под Курантами». И я тоже...

– Вот-вот! Всё на себя проецируешь! Читаем дальше! По-моему, у тебя крыша поехала – предлагаешь, как играть актерам! Что же ты на себя так много берешь? – наигранно удивляется Асик.

– В пьесе этого нет! – говорю я твёрдо.

– В пьесе нет, это было бы слишком... Но в уме у тебя это было! Я всё-всё помню! – Асик опять засмеялся. – Я же читаю твои затаенные мысли.

Асик и в самом деле мог читать мои мысли. Иногда раньше меня самого. Такой экстрасенс-невидимка.

«Если продолжать рекомендации и пожелания, автор хотел бы, чтобы:

а) Актер, играющий Рассказчика, не орал бы на сцене, думая, что перекачивания его баритона помогут спрятать его хилый талант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.